

ИЗ ИСТОРИИ ОРГАНИЗАЦИИ ЕДИНОВЕРЧЕСКОЙ ТИПОГРАФИИ В МОСКВЕ

В 1800 г. официально было учреждено единоверие и определен порядок взаимоотношений государственной церкви и старообрядцев, перешедших под ее протекторат¹. Одним из основных вопросов, который требовал неотложного решения, был вопрос об обеспечении вернувшихся в лоно церкви старообрядцев необходимой для отправления культа литературой. В документе о принципах существования единоверия указывалось, что его приверженцам дозволяется “совершать службу Божию, таинства и требы христианские по прежде печатным книгам при Всероссийских патриархах Иове, Ермогене, Филарете, Иоасафе и Иосифе”². Однако власти прекрасно понимали, что находящиеся в обращении у населения дореформенные книги не могут в полной мере удовлетворить потребностям единоверцев. Необходимо было организовать переиздание этих книг под контролем церкви. При этом было совершенно ясно, что наладить их выпуск на базе синодальной типографии невозможно. Такое решение проблемы вызвало бы протест со стороны единоверцев. Нужна была специальная типография, статус которой удовлетворял бы и новообращенных и духовные власти.

К числу важнейших задач, которые должна была решить новая типография, относилось и вытеснение из круга чтения единоверцев старообрядческих изданий, нелегально выпускавшихся на протяжении всего XVIII в. По определению архиепископа Ярославского и Ростовского Павла, “издание в публику такого рода книг есть зло гражданское, церковное и нравственное”³.

¹Правила учреждения единоверия 1800 года // Второй всероссийский собор христианского поморского церковного общества. М., 1913. С. [143]–149.

²Там же. С. 145.

³РГИА. Ф. 796. Оп. 82. Д. 954. Л. 131; Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. СПб., 1887. Доп. том. С. 19.

Уже в начале 1801 г. Синод подал государю доклад по вопросу организации новой типографии, в котором просил “разрешить печатание книг сходных со старопечатными для единоверцев” и предлагал делать это на базе старообрядческой типографии, существовавшей в посаде Клинцы Черниговской губернии, под контролем специальных надзирателей⁴. На основании этого доклада, 2 июня 1801 г. царь подписал указ, в котором говорилось: “Типографии в посаде Клинцы быть по-прежнему, с тем, чтобы печатание оных книг производилось с ведома и дозволения Святейшего Синода. И для того назначить Синоду с своей стороны способных надзирателей”⁵.

Учитывая вековую практику преследования официальной церковью старообрядческих изданий и типографий, их выпускавших, в том числе возбуждение ее представителями нескольких следственных дел по поводу книгопечатания в Клинцах, трудно предположить, кто из членов Синода мог выступить с инициативой организовать там издание книг для единоверцев, и как Синод поддержал ее. Особенно непонятным представляется предложение духовных властей потому, что клинцовская типография к тому времени считалась незаконно существующей и действовала нелегально⁶. Свидетельством некой случайности данного проекта является отсутствие у Синода четкого плана его реализации, из-за чего решение вопроса об учреждении единоверческой типографии растянулось на двадцать лет, в течение которых Синод пытался уйти от воплощения в жизнь своего первоначального предложения.

В августе 1801 г. указ императора о типографии в Клинцах с запросом о ее состоянии был сообщен генерал-губернатору Малороссии кн. А. Б. Куракину, который ответил на это своим предложением о порядке организации книгопечатания для единоверцев на базе клинцовской типографии, состоявшем из трех пунктов: 1. “...основать ее не так как принадлежность частного человека, но целого общества, заплатив единоновременно за первыя заведения хозяину ея подобающую сумму”; 2. печатать книги с учетом потребности в них не только единоверцев, но и не обратившихся к церкви старообрядцев, “дабы сии,

⁴РГИА. Ф. 796. Оп. 82. Д. 954. Л. 9-10.

⁵Там же.

⁶Подробнее о книгоиздании в Клинцах см.: *Вознесенский А. В., Мансильев П. И., Починская И. В.* Книгоиздательская деятельность старообрядцев (1701 - 1918). Материалы к словарю. Екатеринбург, 1996. С. 10-16.

не имея явного позволения, не преподали средств или из сей же самой типографии пользоваться книгами тайно или учредив и новую, образом не дозволенным как и прежде”; 3. с целью раз и навсегда прекратить попытки тайно снабжать себя книгами “нужными” им, к цензору духовному, предусмотренному указом, которому, по мнению А. Б. Куракина, единоверцы не будут доверять, “присоединить цензора гражданского, для водворения в них надеяния, что уже ничто их утеснять не будет”⁷. Предложения малороссийского генерал-губернатора были утверждены государем в 1803 г. и 8 мая того же года министр внутренних дел В. П. Кочубей направил их в Синод для сведения⁸.

Члены Синода очень быстро отреагировали на послание В. П. Кочубея, и уже 1 июля 1803 г. он получил ответ, содержащий мнение архиепископа Ярославского и Ростовского Павла по поводу проекта А. Б. Куракина. Тон этого послания был достаточно обиженным, а критика проекта крайне резкой. Архиепископ отмечает, что поскольку в Синод информация поступила от министра внутренних дел В. П. Кочубея с уведомлением о том, что император утвердил представление А. Б. Куракина, то Синоду “ничего не остается, по-моему мнению, делать, как только ведать высочайшую Его императорского величества волю и ожидать донесения, какия он, просвященный митрополит (Санктпетербургский Амвросий – И. П.), по сношению с кн. Куракиным учинит зависящие от него распоряжения”.

Однако, как далее пишет архиепископ Павел, он считает своим долгом высказать замечания, которые начинаются парадоксально по отношению к инициативе Синода 1801 г., “... считая, что не стоит возобновлять тайную, не законно существующую типографию, но уж если это необходимо, отметить нужно Святейшему Синоду ведать, что разумеется под именем ‘целого общества’, котораго типография полагает принадлежностью. Если сие общество клинцовское, или раскольническое, общим церковным правилом не согласующееся, то дарованием ему права типографии не предполагается ли и политическое его сознание? И сие общество, исключаясь из церковного правительства, не может ли противопоставляться церкви с равным ему

⁷РГИА. Ф. 796. Оп. 82. Д. 954. Л. 120–120 об.: фрагмент текста опубликован: Собрание мнений и отзывов Филарета... С. 17–19: очень вольное изложение текста в статье: Мельников (Печерский) П. И. Записка о старообрядческих типографиях в Клинцах, Махновке. Янове, Майдане-Почапинецком // Полн. собр. соч. СПб., 1909. Т. 7. С. 357–358.

⁸РГИА. Ф. 796. Оп. 82. Д. 954. Л. 119.

дарованным правом ?”⁹ Вот что пугало духовные власти. Но почему же Синод не задался этими вопросами при подготовке своего доклада в 1801 г. ?

“Когда чрезмерно умножится в сей типографии книгопечатание и продажа из нее церковных книг усилится, то спасительная цель о пришедших в соединение и единоверческих церквах может ли быть достигнута или паче не исправергнется ли ?”¹⁰. Архиепископ Павел высказывает опасение, что под прикрытием закона эти книги “рассеются” по всей России, так как старообрядцы будут увеличивать книгоиздание из коммерческих соображений. Как указывает владыка, они имеют доступ в самые отдаленные регионы страны через своих одноверцев среди торговых и промышленных людей. К тому же, распространению книг будет способствовать и “особенная приверженность простого народа ко всему тому, что оглашается именем старинного”. Таким образом, “не сделает ли это клинцовския книги любимейшими простому народу, учебными у детей его и употребительными во всяких случаях ?”¹¹.

Неудовольствие владыки вызвало так же предложение А. Б. Куракина наряду с духовным цензором ввести гражданского. Причем архиепископ усматривает большую разницу между функциями “надзирателей”, назначаемых Синодом, как диктует указ 1801 г., и “цензоров”, которых предлагает ввести генерал-губернатор: “цензора должность есть рассматривать только предлагаемая ему для печатания книги, какие же напечатаны будут, за те он не отвечает, а надзирателя типографии обязанность есть, никакой не печатать книги без одобрения цензуры, и за каждую напечатанную в оной книгу должен он правительству отвечать”¹².

Все эти и некоторые другие, более мелкие вопросы архиепископ Павел предлагает решить до того, как предложениям А. Б. Куракина будет дан ход.

Замечания Синода были направлены генерал-губернатору Малороссии. 21 ноября 1803 г. министр внутренних дел уже сообщал

⁹РГИА. Ф. 796. Оп. 82. Д. 954. Л. 128–131 об.: текст записки архиепископа Павла опубликован с большими купюрами: Мельников (Печерский) П. И. Записка о старообрядческих типографиях... С. 356–358.

¹⁰РГИА. Ф. 796. Оп. 82. Д. 954. Л. 129.

¹¹Там же. Л. 129–130.

¹²Там же. Л. 130.

обер-прокурору Синода А. Н. Голицыну, что кн. Куракин ознакомился с замечаниями и согласен с устройством типографии там, “где Синоду будет удобнее наблюдать за нею”, а его предложения были вызваны исключительно заботой о том, чтобы прекратить ввоз старообрядческих книг из Польши и Молдавии¹³.

В октябре 1805 г. свое мнение о месте организации единовременной типографии обнародовал и обер-прокурор Синода. К этому его сподвиг ряд прошений от московских единоверцев, о чем речь пойдет ниже. А изначально кн. Голицын не высказывался по этому вопросу, как он сам заявил, потому, что ждал отзыва Синода о предложении кн. Куракина¹⁴.

Между тем, пока духовные и светские власти определялись с местом и порядком организации типографии, об указе 1801 г. стало известно единоверцам, и от них стали поступать прошения завести типографию, как частное предприятие.

Первое прошение было подано на имя Московского военного губернатора гр. И. П. Салтыкова московским купцом второй гильдии Семеном Григорьевым в апреле 1802 г. В своей просьбе он заручился поддержкой московских единоверцев во главе с купцом первой гильдии Иваном Шелапутиным¹⁵. Это дело не было до конца рассмотрено властями, и решение по нему не принято¹⁶.

23 июня 1802 г. подобное прошение подал государственный крестьянин московской губернии Никита Федорович Ильин. Любопытно, что Синод слушал вопрос о ходатайстве Ильина и принял решение удовлетворить его просьбу, но отметил, что “дача дозволения на самое устройство тое типографии не относится к Святейшему Синоду”, поэтому он сообщит о просьбе гр. И. П. Салтыкову¹⁷. И это прошение, как и предыдущее, легло под сукно в Синоде или в канцелярии генерал-фельдмаршала Салтыкова.

20 октября 1802 г. Святейший Синод слушал “прошение Малороссийской Черниговской губернии, Стародубского повета, Зыбковского посада купца Алексея Семенова сына Козина”, подкрепленное доверенностью местных единоверцев¹⁸. Видимо, желая зарекомендо-

¹³РГИА. Ф. 796. Оп. 82. Д. 954. Л. 155–155 об.

¹⁴Там же. Л. 154.

¹⁵Там же. Л. 55–63.

¹⁶Там же. Л. 153.

¹⁷Там же. Л. 99–101.

¹⁸Там же. Л. 87–88. У П. И. Мельникова (Печерского), упоминающего об этом факте, указана дата слушания – 10 октября 1802 г. См.: Мельников (Печерский) П. И. Записка о старообрядческих типографиях... С. 372.

мендовать себя как лицо благонадежное, А. С. Козин в своем прошении дает весьма пространную, с негативными замечаниями информацию об одной из клинцовских типографий и ее владельцах: "...типография и содержима была тамошними купцами, но не правильными, а сущими раскольниками Яковом Железниковым и Дмитрием Рукавишниковым, которые противу старопечатных книг по своему суеверию делали поправки и тем ввели важныя погрешности, через что и из самих их секту без поповскаго раскольники тех книг не покупали и после той типографии все инструменты вывезены были в Молдавию и в приобретенный край (Новороссия – *И. П.*) прописанным Железниковым, где по смерти его все и уничтожилось и досталось в разныя руки <...> раскольники из разных мест и ныне печатают многия книги потаенно с таковым же злоупотреблением в новоприобретенном краю и в прочих местах и ввозят те книги в российские города и другие места для продажи". Далее Козин просит разрешить ему завести типографию в собственном доме и обещает вложить в это дело 1000 рублей. Однако попытка донести на своих недавних одноверцев не помогла ему добиться желаемого результата. Он получил отказ на том основании, что прошение оформлено неправильно. Но в решении Синода указано, что даже если бы это было сделано верно, просьба все равно не была бы удовлетворена, так как по указу от 2 июня 1801 г. велено производить "печатание <...> в типографии Клинцовского посада (а не Зыбковском) или, где она будет с позволения правительства устроена"¹⁹.

1 августа 1803 г. московский второй гильдии купец Максим Капустин (ранее он был в числе поддерживающих прошение Семена Григорьева) подал прошение о дозволении завести единоверческую типографию, но и оно, как и все предыдущие, осталось неудовлетворенным²⁰.

Пока в верхах решался вопрос, о том, где издавать книги для единоверцев: в Клинцах или в Москве, старообрядческая типография Карташевых в посаде продолжала успешно работать²¹, никак не

¹⁹РГИА. Ф. 796. Оп. 82. Д. 954. Л. 152–153.

²⁰РГИА. Ф. 796. Оп. 82. Д. 954. Л. 152–153.

²¹Кириллические издания старообрядческих типографий конца XVIII – начала XX века. Каталог / Сост. А. В. Вознесенский. Л., 1991. С. 44–69.

пытаясь легализовать свою деятельность. Лишь в 1806 г. (после смерти отца) А. Карташев обратился в Черниговское губернское правление с просьбой разрешить типографию. Документов о том, чем закончилось дело обнаружить не удалось, но известно, что до 1812 г. книгоиздание там продолжалось. В 1811 г. А. Карташев вновь подал прошение в Черниговское губернское правление. Оно было передано на рассмотрение в Синод, по указу которого от 28 июня 1812 г. типография, “как без дозволения существующая”, была опечатана и отдана под надзор Суражского нижнего земского суда. Однако вскоре типографу удалось возобновить свою деятельность, как и прежде, нелегально. В 1817 г. в результате доноса вновь началось следствие. 28 августа 1817 г. комитетом министров было принято решение об уничтожении типографии в Клинцах и Махновке (к этому времени она уже не существовала) с тем, чтобы они не составляли конкуренции планируемой единоверческой, будущим содержателям которой рекомендовалось купить оборудование у владельцев закрытых старообрядческих типографий²². Через месяц, 26 сентября 1818 г., А. Карташев подал прошение кн. А. Н. Голицыну, возглавлявшему тогда новое министерство Духовных дел и народного просвещения, в котором писал: “Правительству угодно, чтобы старообрядческая типография моя из Клинцовского посада переведена была в Москву с тем, чтобы печатание в оной старообрядческих книг производилось под смотрением духовной власти. Таковое установление мы, старообрядцы, приемлем за особый знак монаршей к нам милости.

Вашему сиятельству известно уже, что московское единоверческое общество уполномочило меня ходатайствовать <...> дабы печатание старообрядческих книг производилось по прежнему в моей типографии <...> для единоверческого общества все равно иметь типографию или в Клинцах, или в Москве. Конечно для меня большое расстройство которое я должен потерпеть от перемещения типографии, но поелику угодно сие правительству, то я и повинуюсь его воле, в надежде снисхождения к моим убыткам... зжальтесь на мое положение и на мое разорение. Я согласен перевести типографию мою в Москву, как и правительству угодно, только прошу для себя единой

²²РГИА. Ф. 1284. Оп. 195. Д. 3.; Мельников (Печерский) П. И. Записка о старообрядческих типографиях... С. 359–361; Починская И. В. Старообрядческое книгопечатание XVIII – первой четверти XIX веков. Екатеринбург, 1994. С. 60–61.

милости предписать по начальству, дабы типография моя в бытность в Москве оставалась в моем распоряжении и чтобы никто другой не мог мне делать подрыва в печатании старообрядческих книг под при-
 смотром духовной власти и надзора, на что согласно и московское
 единоверческое общество, которое меня на сие уполномочило. В про-
 тивном случае, если будет мне какой-либо подрыв, то я по необхо-
 димости должен буду потерять все мое имущество, которое употреб-
 лено мной на заведение типографии и, следовательно, я с семейством
 моим должен буду лишиться пропитания...”²³. К прошению была при-
 ложена доверенность от московских единоверцев, подписанная де-
 вятью купцами²³. Однако слезная просьба А. Карташева не тронула
 власти. Вероятнее всего, вскрывшийся факт продолжения им вопре-
 ки запрещению 1812 г. издательской деятельности, а также обнару-
 жение в 1817 г. в местечке Янов Подольской губернии еще одной ста-
 рообрядческой типографии, принадлежавшей К. Колычеву²⁴, заста-
 вило Синод поторопиться с принятием окончательного решения об
 открытии единоверческой типографии. 11 октября 1818 г. императо-
 ром был подписан указ об уничтожении старообрядческих и об уч-
 реждении вместо них в Москве единоверческой типографии²⁵.

Одному из членов Синода, митрополиту Московскому и Коло-
 менскому Серафиму, было поручено представить свое мнение по по-
 воду этого указа. В ответ на распоряжение высшего органа духовной
 власти митрополит подготовил правила, на основании которых долж-
 на быть устроена единоверческая типография. Эти правила разви-
 вали и детализировали мнение архиепископа Павла, высказанное по
 поводу указа 1801 г.²⁶ В свою очередь, правила митрополита Серафи-
 ма легли в основу утвержденного Синодом 12 января 1820 г. порядка
 работы Московской единоверческой типографии, который устанавли-
 вал жесткий контроль со стороны Синода за формированием ре-
 пертуара типографии и четким следованием ему²⁷. И наконец, 12 фев-
 раля 1820 г. Синодом был подписан указ об открытии в Москве еди-

²³РГИА. Ф. 796. Оп. 82. Д. 954. Л. 207–209.

²⁴Вознесенский А. В., Мангилев П. И., Починская И. В. Книгоиздательская деятель-
 ность старообрядцев... С. 24.

²⁵ПСЗ I. Т. XXXV. № 27611; Т. XXXVII. № 28142; РГИА. Ф. 796. Оп. 82. Д. 954. Л. 287.

²⁶РГИА. Ф. 796. Оп. 82. Д. 954. Л. 287–287 об.

²⁷Правила опубликованы: Мельников (Печерский) П. И. Записка о старообрядческих
 типографиях... С. 374–375.

новверческой типографии. В этом указе отмечено, что сдиноверцы полностью готовы приступить к книгоизданию, для чего при Троице-Введенской церкви “дом удобный к помещению всего, принадлежащего к типографии имеется, все потребные к печатанию вещи и материалы в готовности и даже знающие мастерство люди приисканы...”²⁸. Основу типографских материалов нового издательского заведения составили, как показывает анализ оформления книг, материалы, купленные у А. Карташева.

Так, спустя 20 лет, после многочисленных обсуждений, в которые были втянуты и духовные и светские власти, как центральные, так и местные, единоверцам было дозволено открыть типографию, подчиненную московской духовной консистории и московскому архиепископу. При ней, в соответствии с установленным порядком деятельности, из единоверцев создавался совет попечителей. Для издания любой книги они ходатайствовали перед духовным начальством, и то принимало решение²⁹. Как правило, на протяжении всего XIX в. разрешение давалось на перепечатку московских изданий служебной или учебной литературы XVII в. Это, конечно же, не могло снять одну из важнейших проблем, которую хотел решить созданием новой типографии кн. Куракин, а именно: печатание книг с учетом интересов не только единоверцев, но и необратившихся к церкви старообрядцев, дабы отвлечь их от нелегального издания книг. Однако, репертуар единоверческой типографии не в состоянии был удовлетворить всем даже духовным потребностям единоверцев.

²⁸ПСЗ I. Т. XXXVII. № 28142.

²⁹Собрание мнений и отзывов Филарета... СПб., 1885. Т. 2. С. 74–76, 107–110.